Ален Дюгран, Анн Валей

Сады Аламеды

Обычные люди, достойные истории

18+

История в романах

Анн Валей

Сады Аламеды

«Азбука»
2003

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Валей А.

Сады Аламеды / А. Валей — «Азбука», 2003 — (История в романах)

ISBN 978-5-389-35727-3

Мексика, начало XIX века. Сотни французских торговцев – авантюрных искателей приключений – пересекают Атлантический океан и высаживаются в порту этой загадочной североамериканской страны. Они мечтают разбогатеть и создать здесь огромную торговую державу. Среди этих отважных людей – уроженец долины Барселоннет Пьер Арно. Покидая Францию, он не испытывает ничего, кроме жгучей ненависти к себе и своим поступкам. В Мексике же он собирается создать себя заново, чтобы никто не догадался, какой груз лежит у него на душе. Но любовь к замужней женщине перечеркивает его планы, заставляя сделать непростой выбор. А между тем в Мексике в конвульсиях рождается нация: креолы и индейцы пытаются свергнуть колониальную власть испанцев. И от исхода этого противостояния зависит будущее Пьера Арно и других таких же французов, рискнувших всем ради лучшей доли. Государственные перевороты, любовные интриги, разрушенные судьбы – все это в увлекательной исторической саге, которая охватывает весь XIX век.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-35727-3

© Валей А., 2003
© Азбука, 2003

Содержание

Часть первая 7
1 7
2 12
3 17
4 20
5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ален Дюгран, Анн Валей
Сады Аламеды

Alain Dugrand et Anne Vallaeys
LES JARDINS DE L'ALAMEDA

Дизайн обложки Андрея Саукова

«LES BARCELONNETTES» – VOLUME 1:
«LES JARDINS DE L'ALAMEDA»
BY ALAIN DUGRAND ET ANNE VALLAEYS
© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2003
© Головина Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

* * *

Жанне, Мод и Тому посвящается

Таков человеческий удел: живешь ты у нас в горах, или у себя на равнине, или, словно тигр, на собственной горе, где твой покой подобен буре, где никакие твои достижения ничего не стоят и где все всегда надо начинать заново.
Жан Жионо

Часть первая

1

Утренняя свежесть пробирала до костей не только стариков, но и мужчин помоложе. Женщины, сидевшие в повозках, тесно жались друг к другу; мулы, ослы и тощие лошади медленно тащились вперед, оставляя в глинистой почве следы копыт. Под холодным ветром все вокруг покрывалось тонкой и мутной пленкой влаги. Стоял ноябрь – время сбора винограда; вдали вырисовывалась серая громада Рошкурба; небо, темно-лиловое, на востоке начинало светлеть; тишину нарушал только скрип колес – телеги катились по булыжной дороге к Колле. На виноградных лозах блестели капли ледяной росы: обожженные солнцем листья и серовато-зеленые кисти клерета высохнут только к полудню. Все утро черные пальцы сборщиц будет ломить от холода. Нет ничего хуже обжигающего прикосновения к покрытым небесной влагой плодам.

Продрогшая процессия двигалась в тишине – ни смешков, ни разговоров, разве что время от времени слышался крик возницы, с силой дергающего за узду буланого арденского тяжеловоза, который шлепал по раскисшей от грязи дороге, таща за собой открытую телегу, где, прижавшись друг к другу, сидели промерзшие женщины и стояли пустые ящики, липкие от засохшего виноградного сока.

Ниже бесшумно змеился по своему галечному руслу Дром, бурый от недавних дождей, пробивая себе путь сквозь заросли камыша, бузины, карликовых тополей, кустарника и длинных лиан – таких длинных, что они чахли и увядали на концах, слишком далеких от корней.

Небо над кладбищем прорезал первый луч солнца, осветив верхушки сосен в лесу Бане. Внизу, по сторонам от рядов виноградных лоз, раздавался скрип тормозящих повозок. Резко остановленные мулы били копытами, едва не сбрасывая разболтавшиеся хомуты. Бригадиры уже выгружали ведра и заплечные корзины и раздавали сборщицам ножницы. Сбившись в стайки, как только что в повозках, женщины повязывали на голову теплые платки, пропуская концы через рукава плащей и рабочих халатов. Носильщики, пользуясь привилегией своего положения, – вскоре им предстояло устать больше других, – делили хлеб, резали свиную колбасу и с сухим треском ломали круги козьего сыра.

– Пора, ребятушки! За работу!

Пожалуй, только дроздам было бы под силу передать начавшуюся суматоху. Птиц наверняка напугало, как скоро в сотнях рядов образовались проходы и затрепетали под секаторами женщин, срезающих виноградные кисти, листья. В конце каждого ряда самые сильные парни наполняли корзины; те, что помоложе, сгибались под тяжестью водруженных на плечи ведер. Возле ручных тележек старики с натужным оханьем грузили на повозки увесистые ящики собранных плодов.

Рассвело. Сборщики медленно согревались под ярким солнцем.

Мамаша Перменжа сидела у очага и чистила каштаны, сдирая с них утыканную острыми иглами оболочку. В коммуне Сайан каштаны – редкость. Фундук и миндаль встречаются здесь много чаще, чем ардешские каштаны, но ко Дню всех святых Семпл, конюх, приволок хозяйке два мешка каштанов, собранных в ущелье коммуны Шастель-Арно. Мелкие, они варились в чугунке, прикрытые тряпкой.

В то утро хозяйка не напевала. Она глаз не сводила с двух сидящих за столом бродячих торговцев. Ножами они отхватывали от каравая большие куски хлеба и отправляли в рот. Их пустили на ночлег накануне вечером, и хозяйка едва не подпрыгнула на месте, когда они

вошли. Их тяжелые шаги еще отдавались у нее в ушах – ей показалось, что к ней заявились два донельзя изможденных великана. Они были в широкополых остроконечных фетровых шляпах, сдвинутых на затылок и сверху прикрытых шерстяными шапками, из-под которых на плечи спускались густые длинные волосы – иссиня-черные у одного, с проседью у другого. Внимание женщины особенно привлекли рукава их одеяний: запястья обхватывали широкие обшлага, расшитые позолоченными пуговицами – крупными пуговицами с выбитыми на них фигурами кабанов, каменных баранов и даже волков; хорошенько натертые замшей, они ярко сверкали. Из-под распахнутых на груди курток длиной до колена виднелись жилеты из какой-то белой ткани, а ниже – серые полотняные рубахи. Костюмы дополняли суконные штаны цвета грязного мела и длинные шерстяные чулки, перехваченные у бедра красными и зелеными подвязками.

Самый старший, не выпуская из рук тяжелого тюка, обтянутого кожаными ремнями, вежливо представился, и старухе понравился его усталый серьезный голос. Он назвался Жозефом Арно; его спутником был его старший сын по имени Пьер. Три дня назад они покинули Валею – высокогорную долину в коммуне Барселоннет, это дьявольское ущелье, которое на востоке упирается в узкий проход в коммуне Ларш, а потом карабкается к Пьемонту. Мамаша Перменжа не ошиблась: последний деревенский дурачок распознал бы торговца нитками, наперстками и снадобьем для лечения скота – типичного гавота[1]. Жительница равнины, она плохо представляла себе, на что похожа Барселоннет, но, с легкой опаской наблюдая за двумя мужчинами, легко могла вообразить обледенелую землю, бурные горные реки и крутые склоны, обычные для тех мест, откуда прибыли ее гости. «Эта парочка – крепкие орешки», – думала она, разглядывая их. Навскидку отец был старше сына лет на двадцать пять; молодому красавчику она дала бы девятнадцать.

Мужчины спросили постель, кукурузного супа и равиоли. Хозяйка, в свою очередь, обратилась с просьбой к старшему: ей бы не помешала пара-тройка катушек черного шелка, коробка туринских иголок, пузырек красителя марены и шило, чтоб было чем заняться зимой. Вечером, когда в сводчатом зале собрались сборщики винограда, молодой любезно предложил им чепцы из толстой некрашеной шерсти. Он и правда продал несколько штук, а двум уроженцам Триньяка уступил по ситцевому мешочку, наполненному семенами лаванды. Такие мешочки кладут в постельное белье для приятного запаха; их же обычно дают невесте в приданое. Еще он не отказался от стакана ратафии. После ужина, пока остальные продолжали болтать, отец с сыном удалились спать. В камине и печке негромко, с хрипами, как дыхание больного бронхитом, потрескивали дрова.

Мужчины, не обменявшись ни словом, легли на грубые простыни. Молодой долго ворочался на набитом сеном матрасе, чувствуя ступнями тепло от положенного в ноги нагретого кирпича.

– Странная парочка, – пробормотала себе под нос пышногрудая усатая матрона.

Оба ее гостя за все время не сказали друг другу и десятка слов. Молодой, уставившись на котелок в очаге, колол грецкие орехи и хрустел ядрами, перемежая их с кусками хлеба. Время от времени он бросал на отца беглый взгляд. Старик сидел и молча смотрел в окно.

В том, что касалось людских характеров, мамаша Перменжа не знала себе равных; она понимала окружающих лучше, чем кюре, нотариус или костоправ. Ноздри чуть заметно дрогнули, словно помогая ей принюхаться, и она уже вынесла вердикт и готова была держать пари: эти двое в смертельной ссоре.

Когда они вышли на крыльцо, утренний сумрак немного рассеялся. Под стенами монастыря Святого Жеро д'Орийака ветер носил сухие клубки глициний и гнал их по истоптан-

[1] Гавоты – жители области Овернь. (*Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика*.)

ной земле к домам гугенотов. Вокруг не было ни души. Торговцы двинулись по главной улице, тихой, если не считать приглушенных звуков, доносившихся из подвала булочника. Они коротко глянули на возвышающийся на юге скальный выступ Рошкурб, серо-белый, плоский и треугольный, обозначающий начало Альпийской горной цепи, уходящей на восток кантона. По мере того как вставало солнце, скала все заметнее окрашивалась розовым. Сразу за мостом Риусе, коротко кивнув начальнику конно-полицейской стражи, который как раз чистил свою лошадь, мужчины вышли к виноградникам, перерезанным Королевской дорогой, ведущей к коммунам Ауст, Крест и Роман. Их башмаки из толстой кожи, подбитые коваными гвоздями, с металлическими набойками на подошве, звонко стучали по булыжной мостовой. День обещал странникам быть ясным, а сборщикам винограда – теплым. Капризный местный ветер – солор – задувал слегка, нежный, как сок первого отжима, шуршал по круглой черепице крыш и согревал спины сборщиков.

– А вот и ласточки! – воскликнула одна из женщин.

Ласточками здесь называли бродячих торговцев, поскольку их появление знаменовало, подобно миграции птиц, приход зимы. Сборщицы подняли головы, следя за двумя фигурами не то великанов, не то людоедов, которые шагали по дороге. Даже если Жозеф и Пьер догадывались, что своим видом вызывают опасливое недоумение, их это мало заботило; они упорно продолжали свой путь – сын впереди, отец сзади. Сдвинув шляпы на затылок, они шли, постукивая палками и изредка обгоняя торговцев кожей, которые верхом на мулах ехали в Лион пополнить к зиме запасы провизии.

В полутора часах ходьбы от Сайана им предстояло разделиться. Отец должен был повернуть на юг и через каньон Лозен направиться к Пюи-Сен-Мартену, Монтелимару и Воклюзу; что до Пьера, то он рассчитывал через Тен-л'Эрмитаж на севере добраться по берегу Роны до Лиона. Там он наберет дешевого товара и попытает счастья в Маконе, Бургундии и даже на рынках Морвана. Прежде чем проститься, мужчины решили перекусить и близ деревни Мирабель-ле-Блакон достали из сумки свои припасы.

Они устроились прямо на земле, опершись спиной о тюки с товаром, и, вооружившись ножами, принялись за трапезу. Вскоре они простятся: один уйдет на юг, а другой – в Крест, над которым возвышается башня, похожая на сахарную голову.

С болезненным, но и довольным выдохом они сбросили свой груз в заросли дрока. Жозеф сел на корточки, Пьер напротив него – по-турецки. Все так же не говоря ни слова, они принялись за колбасу и савойский сыр. Первым молчание нарушил Жозеф, отрезая кусок ситного хлеба. Он знал, что ссоры не избежать.

– Вот что, парень, на ближайшей развилке мы расходимся.

По его тону Пьер догадался, что последует дальше. Он незаметно стиснул пальцы на коробке козьего сыра и перестал жевать. Опустив голову, он изучал взглядом травинку у своих ног.

– Посмотри на меня, Пьер, – сухо приказал старик. – Эти месяцы ты будешь один, и я надеюсь, что ты поведешь себя правильно. Дрязги нам ни к чему. Знай одно: не пристало гавоту долины связываться с поджигателями волков[2] из Уазана. Ты понял меня, парень? Не хочу узнать, что к моему возвращению ты завел дружбу с этими разбойниками и ворами. Мне не нужен сын-мошенник.

Пьер и бровью не повел. Он успел наизусть выучить эту песню. Он знал, что старшие предки – деды, отцы, дядья – как чумы боялись выходцев из Уазана. Как будто между теми, кто населял горы на юге, и теми, кто жил на севере, велась непримиримая кровавая вражда, с годами превратившаяся чуть ли не в ритуал, строго соблюдаемый по обе стороны лесов, окайм-

[2] Прозвище жителей области Дофине, где была распространена практика поджигать лес, чтобы выманить из чащи волков, которых затем убивали.

лявших просторные долины. Два народа Альп, готовые до скончания веков биться насмерть. Обитатели Барселоннета – честные, уважающие себя и доверяющие друг другу, славные своими ремесленными изделиями – не позволяли себе ходить одними тропами с уроженцами Уазана. Этот наказ передавался от отца к сыну и надоел Пьеру до тошноты. Он заранее знал все, что скажет отец, но сам еще два сезона назад нарушил закон. В одной деревне близ Турню, известной своими плодородными землями, он на почтовой станции сговорился с Жаном Берар-Костом – торговцем из Уазана родом из коммуны Ла-Гард. Оба парня, разделенные навязанной им враждой, но объединенные молодостью, понравились друг другу; один торговал галантереей, нитками и тесьмой; другой занимался надувательством покупателей. Нет, ничего серьезного – он вовсе не был разбойником, к каковым его причисляли все, кто жил от Жозье до Барселоннета. Он предлагал клиентам лекарственные травы и снадобья. Его корзина, которую он носил на спине, представляла собой настоящий плетеный сундук, разделенный на отделения и ячейки, заполненные коробками. Стоило открыть крышку и выдвинуть очередной ящик, как обнаруживались тщательно разложенные пакетики с травами и лекарствами. Уроженцы Уазана издавна слыли травниками и даже лекарями. Они торговали луковицами тюльпанов, семенами растений и готовыми снадобьями. Язык у них был подвешен что надо; они болтали без умолку, сыпали латинскими названиями и охотно врачевали и людей, и домашнюю скотину. Берар-Кост по прозвищу Рыжий знал всего три деревенские болезни: жар с ознобом у мужчин, тревожность у женщин и глисты у детей. У него в корзине имелось все необходимое: горчичный порошок для компрессов и пластырей, алоэ, сурьма, можжевеловое масло, карболовая кислота, глистогонное и слабительное, арника для лечения синяков и шишек, а также порошок фуксина, раствором которого девушки в праздники румянили себе щеки. В особом отделении хранились «швейцарский чай» от запоров, тимьян, семена аниса и сушеный фенхель для изготовления домашней настойки.

За то время, пока солнце совершало свой оборот вокруг земли, парни настолько сдружились, что стали торговать вместе, вдвоем обходя фермы, городские площади и отдаленные хутора.

Пока мачеха выбирала подушечку для булавок или лоскут льна, предлагаемые Пьером, ее юная подопечная вдыхала аромат ландыша из пузырька, протянутого Рыжим. Всего за несколько дней они нашли общий язык; ни тот ни другой никогда не лезли за словом в карман и так убалтывали покупателей, что их товар разлетался как горячие пирожки. Пьер даже освоил кое-что новенькое. Рано утром, прежде чем отправиться в деревню, он заказывал на постоялом дворе две порции настойки из виноградных выжимок, а на первой же ферме к потоку слов, слетавших с его губ так же легко, как порхают над цветами феи, добавлял пару-тройку каббалистических заклинаний. Оба компаньона никогда не забывали пропустить рюмочку – «для храбрости и чтобы развязать язык». Никаких сложных манипуляций, никакой хирургии – единственное, чему Жан обучил приятеля, так это выдергивать пеньки сломанных зубов. Сам Рыжий охотно демонстрировал всем желающим свои якобы подлинные дипломы – пергаменты, на которых восковой оттиск монеты в сто су был неотличим от печати настоящего аптекаря.

В том году Пьер завершил сезон с такой прибылью, что ахнули даже самые удачливые из гавотов. «Да уж, – шептались убеленные сединами старики, – этот парень далеко пойдет».

Второй сезон приятели решили начать с Вильфранш-сюр-Сона. В каждый городок Пьер заходил первым. В области Домб – краю прудов и туманов, где осень исполнена тайны, а люди доверчивы, он сбывал кожаные шнурки и отрезы кретона, попутно расспрашивая покупателей о здоровье. Чтобы доказать этим пожирателям лягушек, что они действительно больны, ловкач использовал хитроумное приспособление – волшебный пузырек. Это был флакон, в который он наливал воду и эфир. Обе жидкости, имея разную плотность, не смешивались, и достаточно было стукнуть по пузырьку, чтобы по желанию вылить каплю одной или другой. Вода на руке

пациента испарялась медленно, что, по словам Пьера, свидетельствовало о срочной надобности лечения. Зато эфир улетучивался мгновенно, подтверждая, что болезнь побеждена. Жан в это время промышлял в соседней деревушке, предлагая женщинам и девушкам надежное средство от нежелательной беременности, а потенциальным рекрутам – пастилки из гелиотропа как верный способ избежать призыва по жребию. Позже довольные компаньоны честно делили добычу. Спрос на их услуги рос, и они уже не успевали побывать везде, где их ждали.

В суровом краю Шароле, где корова ценится больше человека, приятели быстро обработали наивных скотоводов. Коварство горца против простодушия жителя равнин. Ранним утром, пока коровы находились в загоне, Пьер пробирался внутрь, с ловкостью козленка перепрыгивая через лепехи навоза, выбирал буренку с самым большим выменем, становился на четвереньки и всаживал животине в вымя колючку от боярышника. Вечером у загона появлялся Жан со своей медицинской корзиной. В обмен на пару-тройку франков он избавлял корову от колючки и, дожидаясь, пока спадет отек, угощался бургундским цвета крови, поднесенным не помнящим себя от счастья пастухом.

Приятели сделались неразлучны; вместе они обирали селян и вместе кутили на почтовых станциях – парочка прожигателей жизни, не брезговавших ни жирной бресской курятиной, ни тонкими талиями местных пастушек.

Старик узнал о проделках сына, когда возвратился из собственного похода. Бродячие торговцы всегда всё знают друг о друге. Именно об этом Жозеф Арно говорил с Пьером, сидя в полдень возле зарослей дрока.

– Как ты мог предать заветы долины? – Он чеканил каждое слово. – Я не желаю, чтобы о моем роде, о моих близких судили по твоим делам. Я принял решение. До тех пор пока ты не вернешься на правильный путь, пока я не уверюсь, что твои помыслы чисты, я не возьму у тебя ни гроша. Оставь свои деньги себе, я в них не нуждаюсь. Лучше жить в нищете, чем оплачивать достаток бесчестьем. Нам не нужно богатство, полученное мошенничеством.

Пьер не проронил ни слова. В глубине сознания мелькнула мысль о земляках из Жозье и их немых упреках, о которых он догадывался все лето и пока шел сенокос. Но это его больше не задевало. Легко достававшиеся деньги занимали его меньше всего – главным было время, проведенное с Жаном Рыжим. Недели веселья, свободы, дружбы и – незнакомое прежде удовольствие – смелость не слушать занудных нравоучений отца. Нарушать правила – это ударяло в голову сильнее вина. Пьер отдалялся от родни, от клана, он чувствовал себя скорее поджигателем волков, чем гавотом; дерзость, с какой он обходил конкурентов на дорогах Бургундии, радовала его сильнее, чем тяжесть монет в кармане. Он больше нигде – ни перед живыми изгородями ферм в Божоле, ни перед теплыми стойлами – не снимет свою шапку. Жан Берар-Кост разделял с ним то же пьянящее чувство. Триумф уроженцев Альп над погрязшей в навозе деревенщиной.

Пьер поднялся и с вызовом уставился на отцовские усы.

– Хорошо. Я тоже принял решение, – нахально заявил он. – Если хотите меня прогнать – пожалуйста, но я все равно пойду своей дорогой. Это…

Жозеф не дал ему продолжить, резко замахнувшись. Все произошло очень быстро. Пьер инстинктивно поднял левую руку, защищая лицо, и его вдруг обожгло болью. По онемевшим пальцам струилась кровь. Он отвел взгляд от окровавленной ладони и в упор посмотрел на отца. Тот стоял, бессильно опустив руки; у его ног валялся нож. Повисло долгое молчание. Отец и сын пожирали глазами друг друга. Затем, не произнося ни слова, Пьер достал из своего сундука флакон лавандовой эссенции и комок ваты и обработал обильно кровоточащую рану. Старик не двигался, словно закаменел. Юноша кое-как перевязал руку носовым платком, все так же молча закинул за спину сундук, развернулся к выстроившимся в ряд ивам, перепрыгнул через канаву и зашагал по дороге на Крест.

2

Пьер прошел Крест одним махом. В нем кипел гнев, придавая сил. Пересекая Мельничную площадь, он не слышал ни трескотни женщин, ни ругани возчиков. Возле крепостной стены в прохладном воздухе носилась тончайшая мучная пыль, пшеничная и ржаная. Несмотря на усталость и тяжесть сундука за спиной, парень решительно двигался вперед, прорезая собой пространство, насыщенное пылью, оседавшей на теле.

Отец не испортит ему сезон, твердил он про себя. За крепостным валом и башней дорога поворачивала направо и тянулась через яблоневые и персиковые сады. Рельеф местности сглаживался; на равнине вокруг Роны идти стало легче и сундук уже не так давил на плечи. Пьер замедлил шаг. Его злость улеглась, и сердцебиение вернулось к нормальному ритму, возможно потому, что расстояние до встречи с другом сокращалось. Боль в левой руке постепенно утихала.

15 октября 1816 года. Эта дата навсегда запечатлелась в его памяти. В тот день, три года назад, Жозеф ближе к вечеру сказал матери Пьера, Амели:

– Мели, приготовь Пьеру сумку. Пора ему браться за дело.

Чувство, охватившее подростка при этих словах, не поддавалось описанию. Наконец-то он выберется из дома, откроет для себя новые земли, скрытые за горами. Он преодолеет горную цепь и высвободится из этой каменной ловушки. Посмотрит на равнину, познакомится с тамошними женщинами, своими глазами увидит, как течет Рона… Свою долину он успел узнать досконально: вокруг, куда ни кинь взгляд, тянутся высокие, не меньше шести тысяч футов, горы. И над всем этим возвышается пик Шамберон. Внизу раскинулись рощи каменных дубов, выше склоны поросли лиственницами, еще выше протянулись луга и, наконец, на самой высоте – голая скала. Здесь ему было знакомо все – залежи мергеля, овраги и обрывы; с юга на восток ни один утес не хранил от него тайн, он изучил свой край не хуже, чем рисунок линий у себя на ладонях. Он помнил наизусть каждый кружевной выступ – скругленный, неровный, изрезанный, словно обломанный, наклоненный под бóльшим или меньшим углом… Горы, гребни, скаты и склоны сгрудились толпой великанов, так тесно прижатых друг к другу, что глаз с трудом находил хоть пол-арпана ровной площадки, куда можно без страха поставить ногу. Пугающее великолепие, словно явившееся прямиком из хаоса. С какой печалью подростком он каждую весну смотрел на этот океан из камня, по которому под ярким солнцем как будто прокатывались зеркальные волны… Ниже виднелись редкие кусты самшита и колючие заросли ежевики. Козы, чудом удерживая равновесие на подрагивающих ногах, бесстрашно скакали над темной бездной, перебираясь с одного края обрыва на другой, и это голое пространство навевало еще бóльшую тоску.

А что там, за горами? Какого цвета деревья, с которых на побережье собирают оливки? Пройдет немало зим, прежде чем Пьер это узнает.

Сезон снега и льда… Воспоминания увлекли парня еще дальше в прошлое. Отца вечно не было дома – он ходил с товаром между Венту и Арлем, а маленький Пьер проводил время в теплом стойле с матерью, Амели. Снаружи – ни листочка, ни травинки, ни птичьего щебета. Корявые скалы, отполированные льдом, гладко сверкали; ручьи замерзли и больше не журчали. Почти бесцветное солнце едва поднималось над долиной, утопавшей в тени гор, а по ночам, когда температура падала до минус восемнадцати, вставала луна, озаряя эту юдоль скорби своим мертвенным светом.

«В день зимнего солнцестояния, – рассказывал им кюре, – моей родне из Авиньона солнце светит восемь часов в сутки, позволяя согреть руки-ноги. Здесь, в этом суровом краю, жители Жозье видят скудные лучи светила шесть часов в сутки, жители Мейрона – три часа,

а жители Сен-Поля – всего два. Молитесь Господу и благодарите Его, мои голубки, ибо ваши ровесники из Меолана сорок два дня в году живут, вовсе не видя солнца…»

Пять месяцев среди снегов, в деревне, населенной только стариками, детворой и женщинами. Долина сирот, откуда все мужчины уходили торговать, чтобы заработать денег на целый год. Пять снежных месяцев, когда им, пленникам погоды, нечем было заняться. И все же у Пьера сохранились теплые воспоминания об этом времени. Зимой обитатели деревни ходили друг к другу в гости, пробираясь по узким тропкам между сугробами в два человеческих роста, чтобы вместе посидеть за разговорами у горячего очага. Каких только страшных историй он тогда не наслушался! Про Розину Одифред, колыбель которой упала в реку Юбай, когда раньше времени ударили ноябрьские морозы и земля стала скользкой. Когда ее нашли, ее тельце успело обратиться в ледышку. Еще рассказывали, как в Морене, что в верхней части долины, младенцев укладывают спать стоя в деревянных колодках, похожих на огромные сабо, чтобы сопли стекали у них вниз, а не замерзали в носу. Ах эти разговоры у очага! По ночам, наслушавшись историй Батиста, его деда со стороны отца, Пьер погружался в мечты о приключениях. Тепло закутанный, он сидел на полу у ног старика, покашливая от дыма – в печке потрескивали поленья лиственницы, – и с жадностью ловил каждое его слово о том, что тот видел и слышал, бродя с товаром дорогами Европы. Что бы там кто ни болтал, старика рекрутеры Келлермана привлекли к этой работе против его воли, и теперь он говорил и говорил, не в силах остановиться, и его ничуть не смущало блеяние коз за плохо подогнанной перегородкой, на которую спиной опирался мальчик. С каждым новым сезоном он все глубже погружался в воспоминания деда; он уже наизусть выучил все красивые имена шлюзов Бургундского канала, через которые Батист переправлялся на шлюпках, и названия больших баркасов, перетаскиваемых ослами. Мальчик отлично знал, какой формы крылья мельниц на равнине Лилля, и мечтал своими глазами увидеть болота возле устья Эско и витражи базилики Святой Крови в Брюгге, побывать на настоящей мессе, посетить монастырь бегинок, взглянуть на кирпичные фасады на площади Дам, принять участие в безрассудных проделках эльфов в дюнах Северного моря, попасть во Фландрию, где его дед Батист продавал близоруким кружевницам лавандовую эссенцию и лорнеты из Франш-Конте. Маленький странный гавот, он знал уже так много…

16 ноября он был уже в Валансе и, не сбавляя шага, шел мимо беленых стен собора Святого Аполлинария. Ему понадобилось четыре дня, чтобы от берегов Роны, уже широкой, через Бур-де-Пеаж, Сен-Валье и Вьенну добраться сюда и увидеть серые стрелы собора Иоанна Крестителя. В лионской коммуне под названием Ла-Мюлатьер, там, где Сона впадает в Рону, через утопающие в грязи поля он выбрался на полуостров.

Пьер остановился в гостинице «Черный мул» на улице Лантерн, где имел обыкновение отдыхать пару дней, отсыпаясь, и заодно скупал на продажу всякое дешевое барахло. Здесь же он лакомился огромными порциями рубца с каперсами и томатами.

28 ноября он перетащил свои пожитки в убогую лачугу, снятую у дубильщика из Мулена на время обхода с товаром городков и селений. В Лионе он по три франка за меру приобрел отрез оливкового бархата, хлопчатые косынки, галстуки из тафты жемчужно-серого цвета, очески шелка, длинный рабочий халат и несколько отрезов голубого кретона. Затем он разложил все свои богатства на полке шкафа светлого орехового дерева. Здесь были жилеты из позолоченного кашемира по три франка девяносто сантимов, хлопчатобумажные платья по пять франков за пару, лиловые фартуки по одному франку семьдесят пять сантимов, сукно для панталон из Эльбёфа, шотландские кашемировые платки по пять франков, которые на самых зажиточных фермах у него буквально рвали из рук. Служанки довольствовались платками по семьдесят сантимов; валенсийские были поплотнее и шли по восемьдесят. Оптовые торговцы мясом из Пурсена наверняка обрадуются саржевым галстукам по четыре франка пятьдесят сантимов.

Пьер давал себе три месяца до встречи с Рыжим на берегах Соны. Они договорились увидеться в центре Макона, в гостинице «Бык в короне». Гавот наметил себе два маршрута. Из Мулена он отправится в Монбеньи, Тьель, Сен-Пурсен, Вому, Шательперон, Сен-Леон и Салиньи, по пути распродавая товар. Затем вернется в Мулен, заново упакует свой сундук и пойдет в Бомон, Гарну, Сен-Мартен и Женетин, после чего еще раз повторит весь путь – таким образом, он успеет посетить свою клиентуру дважды за сезон.

– Зима обещает быть суровой, – сказал ему хозяин лачуги.

Дубильщик ориентировался на два вернейших признака наступления исключительных холодов: раннюю миграцию ласточек и повышенные закупки кожи оптовиками. Но гавот не боялся мороза – горы приучили его к худшему. Накануне зимы 1820 года он знал, что его будут ждать сено на чердаке, молоко с сахаром и сытный картофельный суп, приготовленный дочками фермеров в тех домах, где он найдет ночлег.

В середине февраля он был в Маконе и обнимал своего друга из Уазана. К сожалению, встреча продлилась недолго.

На конверте стоял штамп почтового отделения в Барселоннете. Рядом с пометкой, оставленной рукой табачника Кюзена, исполнявшего обязанности почтальона, был адрес, и он сразу узнал мелкий почерк матери.

Мой дорогой старший сын!

Надеюсь, ты успеешь добраться до Макона и вовремя получишь это письмо. В нашей семье случилось большое горе. В начале января, сразу после Богоявления, твой отец скончался. Он упал в горную реку Риу-Бурду. В середине декабря от него пришло письмо, в котором он писал, что лежит больной в монастыре Святой Цецилии в коммуне Сент-Сесиль-ле-Винь, в департаменте Воклюз. Твоего несчастного отца мучила колющая боль в груди, державшая его прикованным к постели целую неделю. Он сообщил, что намерен вернуться домой, как только поправится. Мы не знаем и никогда не узнаем, чем именно он болел и как жестоко страдал. Должно быть, он тронулся в путь незадолго до Рождества, потому что второго января пришло еще одно письмо, отправленное из Волона. Сынок, для нас это ужасное горе. Но мы хотя бы смогли в последний раз взглянуть на его любимое лицо. Когда ты вернешься, земля на его могиле в Жозье уже заледенеет. Дитя мое, мы рыдаем, думая о тебе и о том, как ты сейчас далеко. Да хранят тебя Господь и святая Дева Мария, да ниспошлют тебе сил и утешение в печали.
Твоя мать Амели

Пьер дважды медленно перечитал письмо. Отец… Умер… Риу-Бурду… Слова плыли у него перед глазами, но смысл написанного ускользал. У него закружилась голова, он пошатнулся и вынужден был присесть. Отец умер. Пьер долго раскачивался на стуле, как автомат. Его взгляд упал на шрам от пореза на руке, и он вдруг застонал, как ребенок. В висках стучало, в голове проносились одни и те же ужасные картины. Вот искаженное гневом лицо отца… Вот кровь, стекающая у него с ладони… Вот нож, брошенный на камни…

Пьер, не торгуясь, продал весь свой товар Рыжему, который проводил его до набережной Соны. На воде подрагивали на канатах лодки и баркасы, с них сгружали баулы и сундуки, и на берег сходили редкие пассажиры, другие в это время поднимались на борт.

Пьер смотрел на лионские холмы; справа от него медленно проплывал утопающий в тумане остров Барб. Баркас бесшумно пришвартовался к причалу на набережной Сент-Антуан. На улице Пюи-Гайо Пьер задержался возле почтовой станции, чьи экипажи совершали рейсы в Гап и обратно. Равнодушный к укусам холода, от которого дрожали возницы, он занял свое

место, и они поехали по неровной промерзшей дороге, то и дело объезжая сугробы и нагромождения обломков льда. Пьер сидел, закрыв глаза, мыслями без конца возвращаясь на несколько месяцев назад, к одной и той же сцене, разыгравшейся перед зарослями дрока. В этих грезах наяву ему виделся залитый кровью отец, из груди которого торчал нож. Это он, Пьер, вонзил нож в тело отца. По ночам, во время вынужденных остановок на пути, он, не раздеваясь, ложился в постель, но уснуть не мог. Он представлял себе последние часы жизни Жозефа, слышал металлический стук его башмаков по обледенелой дороге, ему чудился глухой рев горной реки, и он задыхался в промозглом воздухе, заполнившем все пространство, до самых вершин лиственниц. Риу-Бурду – река-убийца, кошмар жителей долин. В Барселоннете каждый знал: если слышен дьявольский рык бешеного потока, лучше, пока он не утихнет, просить убежища в сенном сарае на какой-нибудь ферме в Тьюле. Какая же настоятельная необходимость заставила отца пренебречь осторожностью?

Почтовая карета за пятеро суток проделала семьдесят лье, отделяющие Лион от Гапа. Еще четыре дня понадобилось Пьеру, чтобы пешком добраться до долины у пика Мартине.

Стоило ему ступить на тропу, вьющуюся среди обрывистых берегов смертоносной реки, и он понял, как погиб его отец. К скале, нависая над бездной, крепилась выгнутая дугой лестница без перил; внизу на половину лье просматривалась перемешанная со снегом и камнями земля – результат осыпей и обвалов. Здесь же хаотично громоздились изуродованные, вырванные с корнем деревья, некоторые – размером с лошадь. Подняв глаза к левому берегу, туда, где сливаются воды Башелара и Риу, и прислушавшись, Пьер с ужасом уловил чудовищный рев обоих потоков, которые стремились навстречу друг другу и впадали в реку Юбай. Над бурлящей водой дул крепкий ветер, обрушиваясь на берега.

Вот он, источник горя, человеческого горя. Позже Пьер узнал, что только лицо отца осталось нетронутым, не перемолотым в этой адской мельнице. Его изломанное, обезображенное тело баграми извлекли два парня из Тьюле.

Пьер стоял в зарослях самшита, покрытого снежными шапками с ледяной коркой, и, стиснув руки, выл от боли. Из груди рвались рыдания, к горлу подступил комок едкой желчи.

Над утопающим в снегах Барселоннетом возвышалась башня Кардиналис. Пьер шагал через город, не отвечая на приветствия встреченных пешеходов. К нему никто не подошел. Жители просто смотрели из сводчатых окон своих домов, как движется этот странный человек с заиндевевшим на морозе небритым лицом. К его тяжелой куртке прилипли комья снега и ледышки; измученный тяготами пути и бессонными ночами в холодных гостиничных номерах, он едва переставлял ноги и выглядел жалким. Пьер Арно являл собой пример катастрофы. Весь в дорожной грязи, в тягостной атмосфере этого богом забытого края он напоминал уроженца Пьемонта, только что чистившего свинарник. В его памяти вставал образ отца на сенокосе под палящим солнцем – с голым торсом, он всегда на четыре шага опережал сетров[3]. Пьер видел, как с каждым летом слабеют его мощные руки, словно отмокающий в баке лен. Бедный отец! Как бы он хотел защитить Жозефа от нападок времени! Бедный отец, Пьер даже не смог донести на своих руках его гроб! Почему в тот день, когда они поссорились под ивами, он не попросил у отца прощения?

В Жозье у Жозефа было прозвище – Адвокат. Так соседи называли его в знак уважения к его строгости и честности. Мало кто смел оспаривать его мудрость, потому что он никогда не позволял себе ни малейшей несправедливости. Читать он научился, разбирая по складам Гражданский кодекс, и эта книга всегда оставалась его Библией. Жозеф никогда не ошибался, он понимал разницу между добром и злом, был тверд, даже несгибаем в своих убеждениях,

[3] Косцы – так в Пьемонте называли поденных рабочих, которых на время сенокоса нанимали в верхней части долины Юбая. (*Прим. автора*.)

и Пьер, когда понял это, осознал, насколько все побаиваются его отца. В детстве он мечтал походить на него и даже невольно его копировал.

Когда ему исполнилось шесть лет, отец снял с него детские одежки, решив, что сын достаточно подрос, чтобы пасти козу, которая жила в загоне в пятидесяти туазах от стойла. Пьер помнил все… Как он повязал веревку, удерживавшую козу, себе на шею, боясь, что та самостоятельно выберется во двор фермы. Едва они вышли в поле, как «мадам коза» не придумала ничего лучше, как рысью пуститься бежать. Шестилетний мальчишка изо всех сил вцепился в веревку, чтобы не дать ей удрать. Но поле было большим, Пьер упал, и коза сорок туазов волокла его, плачущего и кричащего, по грязной земле. И чем громче он кричал, тем быстрее она бежала. Петля на шее сжималась, обдирая ему кожу. Перед домом дорога шла в гору, и глупая скотина чуть сбавила бег. На крики вышла мать Пьера, Амели. Ему смазали пораненную шею конопляным маслом. В присутствии отца Пьер не плакал, а тот лишь бросил: «Только так ты станешь мужчиной, малыш».

В восемь лет его приставили к коровам. Отвели за пол-лье от дома, к кустарникам, в которых водились змеи, и оставили в тишине, нарушаемой только тяжелой поступью молочных коров. Если шел дождь или громыхала гроза, омывая кружевные потеки смолы на высоких лиственницах, он сидел, закутавшись в грубый плащ – жалкое подобие защиты от стихии. Он хлюпал носом и нашаривал в своей сумке крошки ржаного хлеба и остатки козьего сыра, которые Амели укладывала ему в жестяную коробку. Отец редко приходил за ним, а если все же приходил, Пьер никогда не слышал от него ни слова утешения; он ни разу не погладил сына, плетущегося за ним в насквозь промокшем плаще.

Потому что малыш должен был стать мужчиной.

Постепенно Пьер отрастил себе броню. Побежденный, он смирился с отцовскими требованиями. Горы воспитывают сильных и отважных людей, закаляют их тело и душу. Но покорность Пьера была мнимой. С возрастом ему все яснее виделось, что между ним и отцом – пропасть. Безжалостные горы вылепили Жозефа по своему образу и подобию, и он стал таким же, как они – твердым и несокрушимым. Но Пьер чувствовал, что он – из другого теста; веселый, горячий, он слишком любил жизнь, чтобы позволить накинуть на себя узду. На самом деле отец и сын плохо знали друг друга.

За последними домами Фокона, там, где снова открывается долина и рукой подать до грязного потока Саньер, юношу затопила волна ностальгии. Как бы ему хотелось быть любимым отцом, погибшим в долине Юбая, убитым горами, лишенным всяких чувств по отношению к близким. Народ гавотов, преисполненный гордыни, существовал в Барселоннете и Жозье в рабстве у гор. Едва вдали показались поля его родной деревни, Пьер дал себе клятву бросить вызов судьбе. Он больше не считал горы своей родиной.

Впервые в жизни он их возненавидел.

3

К апрелю солнце уже поднималось выше, медленно согревая землю семейства Арно. О покойном дома больше не говорили; его вещи – несколько шерстяных и кожаных курток, два жилета, выходной костюм, пара сабо и кое-какие мелочи – сложили в шкаф «на вырост» для детей. На лицо вдовы тоже понемногу возвращались признаки жизни. Старший сын часто украдкой наблюдал за ней, и при виде ее горя сердце у него разрывалось. Уроженка соседнего Ларша, она носила черные суконные юбки, тесно охватывающие талию, и принадлежала к самой закаленной, самой отважной породе жителей долины. Она была красивой. Нижние юбки округляли ее бедра, но нисколько не утяжеляли ее походку; она по-прежнему ходила с высоко поднятой головой, как непокорная дикарка, какой слыла когда-то в юности. Высокий лоб и красивой формы руки тогда были, наверное, белее, но весенние работы в поле и ежегодный сенокос добавили им смуглости, будто печали и вечная усталость наложили на них свой отпечаток.

Пьер, всегда ощущавший себя чужаком среди земляков, подолгу размышлял о каждом событии в своей жизни. Это была полная, окончательная переоценка всего предыдущего опыта; этой весной он чувствовал себя так, словно его душу обнажили и прошлись по ней пемзой. Он успел изучить себя с ног до головы и принял решение. Он понемногу успокоился. Когда тепло освободило землю от льда, семья принялась за работу. Пласты грязного снега обваливались со скал, избавляя их от зимней корки, словно природа, страдая от чесотки, сбрасывала лишнюю шелуху. С каждого склона долины слышалось пение. Пьер и Реми распахнули створки подвальной двери – свежий воздух быстро высушит языки плесени, окрасившие своды помещения зеленоватым цветом. В коридоре громоздились пыльные корзины и сабо; в просторной конюшне, стоящей на четырех столбах, гулял ветер, выдувая миазмы зимы. Женщины без конца сновали с первого этажа на второй, перетряхивали белье, выбивали матрасы, на которых спали зимой, для тепла впуская в дом скотину. Пьер выгреб навоз, на себе перетаскал его, навьючив мулов, которые потащили его на участок земли, носившей название Лозанье, в полутора лье от фермы. Амели с младшей дочерью Матильдой хорошенько отмыли полы на чердаке.

В мае на деревьях, избавленных от снега, распустились почки; однажды утром вся земля покрылась короткой молодой травой. Казалось, окружающие скалы с каждым днем расправляют плечи; с утесов и склонов струились ручьи. В этом краю, знающем всего два времени года, холода сменяются жарой в мгновение ока.

Пьер на протяжении пяти дней занимался эструкаром[4]. Он выкапывал в земле канаву глубиной фут, выковыривал камни и бросал в стоящую позади корзину, которую затем нес, прижав одну руку к талии, в крольчатник. Подобные груды камней свалены в долине у каждой стены. Когда наступало лето, долина заставляла людей обливаться потом и высасывала из них все силы, чтобы потом, с приходом сезона дождей, снега и льда, за несколько недель разрушить результаты их трудов. Бесконечные походы к крольчатнику были для гавотов настоящей каторгой. «На этой земле ничего нельзя вырастить», – пробормотал как-то Пьер. И услышал в ответ: «Никто не гребет деньги лопатой, сынок. Если хочешь жить, не считай часов и дней и забудь об усталости». Пьер посеял двадцатилитровую корзину ржи, две – пшеницы, шесть – овса, одну – ячменя, сто кило картофеля и четыре кило чечевицы.

Настал июнь, а за ним июль. В воздухе веяло удовольствием, словно мурчал довольный кот. К мессе и на ярмарку мужчины надевали льняные костюмы, девушки щеголяли в соломенных шляпках. По воскресеньям в расщелинах возле ручьев, обязательно под высокой лист-

[4] Сезонные работы в Нижних Альпах, представляющие собой освобождение почвы от камней. (*Прим. автора.*)

венницей, собирались компании кузенов и кузин с корзинками, полными еды, и весело проводили время.

Пьер Арно не участвовал в этих посиделках. В то лето он, еще недавно душа любой компании, заставлял горестно вздыхать многих девушек, помнивших про свои смятые корсажи. Первый парень на деревне, он добровольно ушел в тень, не пил с другими смородиновую настойку, которую новоиспеченные рекруты именовали «кабаном», а ветераны – «кабаненком». Молодежь вовсю флиртовала, но только не Арно – когда краснеющее солнце клонилось к горизонту, он натачивал свои косы.

Он до самой смерти будет помнить эти месяцы. Он ждал сенокоса, как каторжник ждет свободы. По вечерам, когда мать ломала поджаренный хлеб и добавляла ломтики в суп, он спешил окунуться в речушку Юбайет в надежде облегчить боль в ноющей спине и натруженных мускулах.

Он превратил свое тело в отлаженный механизм, а все свое существование свел к работе. Казалось, он не видит вокруг ничего, кроме лезвия косы, со свистом рассекающей воздух над первой густой травой; черед высокогорных лугов наступит позже. Как учил его отец, этой травой кормят перед забоем баранов, ее же дают прожорливым новорожденным ягнятам. В последнюю очередь сено, предназначенное для коров и мулов, заготавливали на нижней части склонов. Матильда и Реми помогали ему, сгребали скошенную траву граблями и навьючивали мулов, которых вели вниз по узким тропкам. Наконец готовые стога грузили на повозки. С наступлением темноты все трое возвращались на ферму, но Пьеру предстояло еще разгрузить двадцать вьюков сена по восемьдесят кило каждый и на спине перетаскать их на чердак. С сенозаготовкой они справились за пять дней, и запасов должно было хватить на прокорм двух коров, одной сухостойной, еще одной тринадцатилетней, трех мулов и четырех баранов. Но и после этого об отдыхе приходилось забыть: на протяжении двух недель Пьер вручную молотил овес, рожь и чечевицу. «Столько мук, столько трудов – и все ради чего?» – подумал он однажды вечером, глядя на ящерицу, змейкой скользнувшую в щель. Чертова долина.

В конце августа Пьер снял со стены ружье и в одиночку отправился в горы на охоту. Амели стояла возле колодца и долго смотрела вслед сыну, фигура которого вскоре исчезла в дубовой роще. По ночам он, завернувшись в плащ, ложился спать у подножия скалы; днем небрежно, словно танцуя, расхаживал по вершинам хребта, прямо над бездной. Он обчистил склоны Кайоля, видел выводок зайчат, наблюдал за полетом белых куропаток. Как-то раз, поднявшись выше, он упустил пару редких здесь тетеревов – просто промазал.

– Не больно-то радуйтесь! – крикнул он, сам удивившись своей горячности. – Достанетесь на обед орлу, или коршуну, или сорокопуту!

Дни, проведенные в поиске и выслеживании добычи, изменили его. При встрече с ним незнакомый пастух вздрогнул бы. Пьер мог часами лежать, забившись в щель между скалами и не двигаясь, держа палец на спусковом крючке. В нем не оставалось ничего человеческого. Всем своим существом он жаждал наказать эти горы, но, поскольку им было все равно, он переносил свой гнев на живых и вот теперь целился в серну. Благодаря летним работам его мышцы обрели гибкость; вокруг завывал ветер, словно некий исполин, исполненный злобы, без устали дул, не пропуская ни одного склона, оврага и расщелины.

Он преследовал эту серну уже два дня. Известно, что серны отличаются тонким слухом, а зрение у них еще лучше. Охотник, одетый в рыжеватую, под цвет животного, куртку, несколько раз приближался к своей желанной добыче. По меньшей мере дважды Пьеру показалось, что серна упадет в пропасть, но та – незабываемое зрелище – удержала равновесие, зацепившись загнутыми рогами за хилые кустарники. Потом она, прижатая к скале, словно разросшийся плющ, прыгнула и охряной молнией полетела прямо на него. Раздался выстрел. Хватило одной пули – грудь животного лопнула, как перезрелый плод. Пьер знал, что старики пили кровь только что убитой дичи. Это считалось наилучшим средством от усталости и хворей. Но он

напился густой и горячей жидкости не поэтому. Разбираться с тушей серны он предоставил стервятникам.

Утолив жажду, он направился вниз, к жизни. В лесу он выбрал для ночевки самую большую и красивую лиственницу. В высоту дерево достигало двадцати туазов, и даже четверо мужчин, взявшись за руки, не смогли бы обхватить его ствол. Ночью он несколько раз просыпался от собственного стона и не на шутку испугался, увидев в свете луны сгустки смолы и налипшие на них клубки игл. Из каждой трещины на стволе гиганта исходил мощный дух скипидара. У Пьера закружилась голова, и он потерял сознание.

Утром он нашел несколько шишек пинии и подкрепился орешками. Он чувствовал себя спокойным и отдохнувшим, как никогда прежде. На свет родился другой человек – хладнокровный, невозмутимый, ко всему равнодушный.

– Я больше никогда не вернусь сюда, – прошептал он. Затем, встав во весь рост, он, словно Моисей, провозгласил, обращаясь к горам: – Я больше не дам вам меня мучить. Горы, я не желаю подвергаться опасностям, которыми вы мне грозите. Хватит с меня ваших обвалов, града и оползней, я не желаю жить в краю, где одна-единственная гроза способна уничтожить весь урожай и разрушить самые крепкие стены. Я отказываюсь таскать на себе землю на ваши склоны!

Когда вдали показался дым из труб деревни Жозье, он уже решил, что в середине сентября покинет отчий дом.

4

Пьер и сам не смог бы объяснить, почему его охватывало счастье каждый раз, когда он вступал в Лион и бродил улицами, мощенными остроконечными грушевидными камнями, по которым спокойно, не рискуя сломать себе шею, передвигались только подкованные железными подковами лошади да рабочие в башмаках на деревянной подошве. Странный народ эти лионцы. Вместо того чтобы построить город на склоне холма Ла-Круа-Русс, стоящего ровно между руслами двух рек – Роны и Соны, их предки, бог знает почему, воздвигли город на сырой и болотистой равнине, расположенной в дельте обеих рек-близнецов; они безропотно согласились заселить этот край, дыша густыми туманами и заработав себе вечную золотуху. Нигде, кроме Лиона, молодой уроженец Барселоннета не чувствовал себя таким далеким от родной долины; царившая здесь бурная торговля восхищала его. Большие вывески на высоких, покрытых плесенью и налетом копоти домах, старинные улицы, по которым двигалось множество конных повозок, груженных сундуками и тюками тканей, неумолкающий грохот тысяч станков – все это приводило его в восторг. Он ходил узкими и сырыми проулками, серыми от сурьмы, где пахло кошачьей мочой и каменным углем. Валившему из труб дыму никогда не удавалось пробить потолком нависавший над городом туман и перебить кислотные запахи, не менее вредные для легких, чем пыль в шахтах Монсо-ле-Мина.

Лавка Серафена Буке на улице Мерсьер, зажатая между высокими домами с влажно поблескивающими стенами, была в полном смысле слова лионской. Миновав застекленный тамбур с медными ручками, молодой Арно заходил в «Факторию Старого и Нового Света» и каждый раз изумлялся. После запаха гари здесь его встречало изобилие кружев, тафты и бархата. Повсюду сновали деловитые работники и коммивояжеры; даже между собой они разговаривали с удивительной почтительностью, как будто за этими шершавыми стенами в пятнах сырости существовал другой мир, мир труда, спасающий тело от миазмов, отравляющих бедных лионцев.

Печки светились красноватым огнем, отражавшимся в натертом воском паркете и бросавшим отблеск на деревянные полки, заваленные тканями из хлопка и шелка-сырца. Мастера ножницами отрезали нужный кусок, а подмастерья упаковывали заказ в посылки, предназначенные покупателям из Вильфранша, Вьенны и Сент-Этьена. Товары от Серафена Буке, сложенные в сундуки, отправлялись на корабль, стоящий на набережной Сент-Антуан, а оттуда расходились во все концы страны. Царящей в лавке сосредоточенной деловитости мешал разве что доносящийся с улицы шум, приглушенный грохот ручных прессов да перестук ткацких станков, врывавшийся в помещение вместе с очередным посетителем, толкнувшим двери «Фактории». Хорошо одетые горожане сидели на стульях или стояли, облокотившись на прилавок, и вели разговоры с приказчиками в галстуках; в свете ламп под зелеными абажурами их руки казались особенно белыми. Пьер чувствовал себя Ионой в чреве кита. Ему вспоминались рассказы деда, вместе с внуком рассматривающего по вечерам лубочные картинки, привезенные из его странствий бродячего торговца, изображавшие то парадные залы дворца в Санкт-Петербурге, где обедал император, то сокровища пещеры Али-Бабы. Вся та роскошь, о которой он тогда мечтал, теперь явилась ему здесь, во владениях Серафена Буке.

Родившийся в квартале Сен-Клер, коренной лионец Серафен Буке основал процветающее – ничего удивительного – предприятие в городе, где туман разъедает тела и души; для своей торговли он выбрал улицу Мерсьер, потому что сюда, в узкий проход между двумя семиэтажными домами, мощенный позолоченным булыжником, никогда не заглядывало солнце. Пьера проводили в кабинет за обитой дверью, принадлежащий другу его отца.

– Мальчик мой…

Молодой человек прижался щекой к залоснившемуся прошлогоднему рединготу. В Лионе хорошую одежду носят подолгу… По тому, как от волнения дрогнул голос Буке, Пьер понял, что тот не притворяется – торговец действительно любил Жозефа Арно. Двадцать лет назад горец впервые толкнул входные двери и предложил хозяину продавать его ткани и платки. Вначале воспринявший предложение с подозрением, Буке в конце концов полностью доверился бродячему торговцу. И тот его не разочаровал. Каждый сезон он забирал у Жозефа немыслимое количество товара. Вскоре три десятка гавотов пополняли свои запасы исключительно в лавке лионца. С годами между обоими мужчинами, несмотря на разницу в происхождении, завязалась настоящая дружба, основанная на взаимном уважении. Когда Пьер подхватил отцовскую эстафету, Серафен Буке счел естественным перенести на сына привязанность, которую он испытывал к отцу, и смотрел на крепкого молодого парня с нежностью. Хотелось бы ему иметь такого сына!

Господин Буке походил на родной город. Белокожий, с коротко стриженными черными волосами, с моноклем в глазу – все его манеры, вся повадка выдавали в нем наследника одной из крупнейших торговых династий Лиона, чьих представителей вежливо приветствовали в лучших кафе площади Терро. Слегка сутулый, как все высокие и худые люди, он являл собой образец лионского упорства, сдержанности и осторожности. Лавка досталась ему от отца, принятая, словно факел, и под твердым руководством этого исключительного человека дело расширилось и расцвело. Он был своего рода художником, вызывавшим восхищение покупателей, которым рассказывал о достоинствах и недостатках каждого отреза ткани. Получив классическое школьное образование, Серафен Буке нахватался кое-каких знаний в школе коммерции, но только в отцовской лавке, общаясь со служащими и слушая шуршание рулонов шелка, он приобрел выдающийся талант торговца. В нем горел священный огонь, толкающий людей на великие свершения, он служил воплощением экономического либерализма и слепо верил в добродетель свободного обмена; его уважали даже конкуренты. Здесь, на полуострове между Роной и Соной, все крупные торговцы собирались у него в гостиной, заставленной книжными шкафами, чтобы разделить с ним радость успешной жизни. Коммерсанты и промышленники не отказывали себе в удовольствии явиться сюда в пятницу к пяти часам вечера, чтобы обсудить экономические новости и текущие проблемы – как серьезные, так и не очень.

В Лионе самого скромного лавочника окружают таким почтением, какое и не снилось кардиналу, привыкшему, что перед ним преклоняют колени и целуют его кольцо. Вот почему здесь ценятся умеренность, экономия и обманчивая суровость.

На улице Энэ, на полуэтаже внешне скромного особняка, в котором жил Буке, лакей принял у гавота его багаж. Прибывший гость и хозяин дома устроились в гостиной возле окон, прикрытых тяжелыми бархатными шторами цвета граната. В дрожащем свете восковых свечей, вставленных в канделябры с шестью рожками, эта комната как нельзя лучше соответствовала своему владельцу.

Буке затянулся сигаретой.

– Мой бедный мальчик, – начал он. – Жизнь не щадит нас, она полна горечи и страдания. Мне самому слишком хорошо известна боль, которую вам только что пришлось пережить. – Он говорил тихо, вспоминая, как мучительно умирала его супруга, скончавшаяся от родов пятью годами ранее. – Но, мой мальчик, вот увидите, самые жестокие раны со временем зарубцовываются. Нас спасает сама жизнь, хорошая жизнь.

Мраморные часы над очагом пробили шесть.

– Чем вы теперь намерены заняться? – спросил Буке. – За время ваших кратких отлучек вы не сможете заработать достаточно, чтобы прокормить семью. – И, поскольку Пьер хранил молчание, он продолжал: – Почему бы вам не остаться у меня? Мне нужен помощник. У меня слишком много дел, и они требуют надежных рук и ясного, как у вас, ума. Конечно, обучение будет долгим, но ремесло всегда вознаграждает тех, кому достанет мужества.

Пьер еще никогда в жизни ни к кому не чувствовал такого доверия, такого дружеского расположения. Ему выпадал редкий шанс избавиться от проклятия, тяготевшего над его семьей. Но готов ли он к этой жизни, он, привыкший к солнцу и приключениям на дорогах Франции? Его пожирала изнутри жажда новизны, и он слишком дорожил своей независимостью, чтобы подчиняться хозяину – даже такому славному, как Серафен Буке. Доброжелательная атмосфера разговора толкала его к откровенности.

– Вы всегда были добры к нам, сударь. И я буду вечно вам за это признателен, но…

Он не успел договорить, потому что дверь резко распахнулась и в гостиную с радостным криком вбежала девочка. Она бросилась к отцу, который посадил ее к себе на колени.

– Это моя дочь Жюли, – со смехом сказал он.

Девочка посмотрела на Пьера своими голубыми глазами и вдруг спрыгнула с отцовских колен и подбежала обнять гостя, изумленного такой непосредственностью. Он совсем не умел обращаться с детьми. Буке поднялся.

– Подумайте над моим предложением. Не хочу вас торопить. Поразмыслите хорошенько.

Пьер получил приглашение прийти на следующий день на ужин, который хозяин дома устраивал для своих друзей. Эти господа имели обыкновение четырежды в неделю собираться то у одного, то у другого, строго следуя очередности.

Восемь гостей, все – видные лионцы, сидели в столовой зале за столом красного дерева, покрытым вышитой скатертью. На двух невысоких буфетах стояли вазы с фруктами и медленно согревались открытые бутылки вина из Бона. Какого-нибудь марсельца или тулузца эпикурейских взглядов немало удивил бы вид собравшихся. Мертвенная бледность тростильщиков шелка братьев Форнашон, худоба старшего из Ребателей – наследника одноименных фабрик, болезненная полнота сварливого Фирмена Брошье, посредника в торговых операциях, желчное лицо Фелисьена Мореля-Тавернье, владельца прядильных фабрик в Азерге, устрашающего вида зоб редактора экономического раздела «Коммерческой газеты» Анри Беро и нездоровый, как у больных плевритом, румянец малорослого Огюста Бизоллона вселили бы немало беспокойства ученым врачам из парижской клиники «Сальпетриер». Но дело было в Лионе, где даже у пациентов больничных палат с вечной благодаря Роне сыростью цвет лица не хуже, если не лучше, чем у обычных прохожих, топчущих тротуары этого страшного города. Несколькими веками раньше мессир Рабле кутил с их далекими предками, восхищаясь как силой их духа, так и их аппетитом.

После того как слуга в белом фартуке длиной до пола под внимательными взглядами гостей налил каждому по доброму половнику супа из говяжьей голяшки, журналист Беро, всегда готовый поговорить, обратился к сидящему слева от него Пьеру:

– Так, значит, вы бродячий торговец? Да еще из долины Барсилоннет?

– Барселоннет, сударь. Через «е», а не через «и».

– Хорошо, молодой человек. Мне не очень нравятся бродячие торговцы. Разумеется, я ни в чем вас не обвиняю, но я много раз слышал, что такие, как вы, распространяют новинки и баламутят крестьян. Да-да, нам это хорошо известно. В любом случае время все поставит на свои места. Эти летучие торговцы не выдержат конкуренции с настоящей розничной торговлей. Уже сегодня наши люди, работающие в Маконе, жалуются, что им все труднее удерживать цены на свои товары, а все из-за них, бродячих торговцев. Если хотите знать мое мнение, господа, то вот оно: пора положить конец этой вечной ярмарке, которая мешает нам развиваться. Что скажете, Буке?

Хозяин дома взглядом успокоил своего юного гостя. Еще утром он предупредил Пьера, что за этими традиционными ужинами у них часто вспыхивают споры. Они привыкли обсуждать за трапезой вопросы экономики, политики и даже философии. И каждый высказывался с предельной откровенностью.

– Ну что ж, дорогой Беро, – воскликнул Буке, отставляя в сторону бокал кондриё, – я не совсем с вами согласен! Благодаря бродячим торговцам жители маленьких деревень знакомятся с нашей качественной продукцией. И наша торговля от этого только выигрывает. Нашим филиалам в городах не приходится страдать от конкуренции мелких разносчиков – наши друзья-гавоты перемещаются вдали от больших дорог, и их клиенты нас попросту не знают.

Остальные гости кивнули с набитыми ртами.

После горячей свинины (разрезанных надвое свиных ножек, свиных хвостов с горчицей, уложенной горкой дымящейся свиной кожи с петрушкой, дрожавшей в облачке желатина, словно подбородок старухи) подали сардельки, начиненные трюфелями и фисташками, ветчинный окорок и по три постных свиных ребра каждому. Запили все это великолепие четырьмя бутылками кот-роти из Ампюи.

Пьер вяло ковырялся в тарелке, с изумлением наблюдая, как гости уминают огромные куски мяса. Братья Форнашоны с горячностью говорили о петиции, которую лионские рабочие подали префекту Людовика XVIII.

– Вы только подумайте, они требуют! – возмущался старший из братьев, потрясая вилкой. – Они требуют изменить состав комиссии по решению трудовых споров, потому что она, по их мнению, представляет не компаньонов и наемных работников, а владельцев мастерских. Они жалуются, что не представлены интересы их класса! Но ведь в избрании членов комиссии могут участвовать все хозяева мастерских, достаточно иметь патент!

– Между нами, Клодиус, – перебил его Буке, – вы ведь знаете, что работники шелкоткацких фабрик не имеют средств для приобретения патента…

– Конечно, – вступил в спор Фирмен Брошье, – но вместе с тем нельзя не признать, что петиция направлена на критику действий комиссии, которую все ценят за услуги, оказываемые бесплатно именно благодаря крупным фабрикантам…

Пьер, сидевший с краю стола, с трудом следил за нитью разговора. Кто такие эти присяжные ремесленных цехов и мастера, из-за которых разгорелись страсти? Ухо выхватывало отдельные слова: «старшина», «волочильщики золота», «басонщики», «гарантии»… Из задумчивости его вывел уверенный голос Буке:

– Друзья мои, прошу вас. На мой взгляд, нельзя ограничивать развитие промышленности. Самое главное, как я понимаю, это предпринять меры предосторожности, чтобы на фабрику принимали только таких рабочих, которые будут способны улучшить ее репутацию. Никто, кроме предпринимателя, не может регулировать отношения с работниками. Но давайте не путать полицейские меры и меры по поддержанию порядка с нашими внутренними правилами. Поверьте мне, насколько первые вредят производству, настолько же вторые способствуют его успеху. Мы не должны сами тормозить свое же развитие! Без этого нам не победить конкуренцию иностранцев! Вы не хуже меня знаете, какая опасность исходит от итальянцев. Они производят прекрасные ткани в Сан-Леучо, в Милане. И я уж не говорю про Англию.

– Вот как раз про Англию и надо поговорить! – вмешался Бизоллон. – Правительство в Париже ничуть не помогает нам обходить английские препоны. Вы слышали новость? Я прочитал ее в этот четверг в парижском «Мониторе»: Мексиканская империя объявила о своей независимости от Испании! Новая Испания – на выход, вот что это значит, господа! Кастильцы больше не смогут запрещать нашим кораблям возить товары. Для Франции открываются блестящие перспективы. Но вы думаете, правительство озабочено завоеванием новых рынков? Кабинет Людовика XVIII занял выжидательную позицию… Когда эти люди поймут, что освобождение испанских колоний выгодно нашей торговле? Нет, европейские Бурбоны как чумы боятся республиканизма, который постепенно захватывает Американский континент. Монархии пугливы… А вот в Лондоне маркизы и лорды, хоть и носят парики, никаких страхов не испытывают. Наших аристократов волнует только будущее их гербов, тогда как англичане превращаются в промышленников и купцов. Снаряжают корабли, отправляют людей. Не успевает

испанец упаковать свой багаж, как на его месте уже появляется англичанин. Господа, фактически у нас на глазах складывается монополия!

Старший из Форнашонов, обычно очень бледный, снял повязанную вокруг шеи салфетку:

– Дружище, но разве Людовик XVIII может поступать по-другому? Даже если он понимает, что Испания теряет часть своих колоний, для него немыслимо встать на сторону инсургентов против Фердинанда VII, его родственника. Все, что остается Франции в этой ситуации – и меня это огорчает ничуть не меньше, чем вас, – держать нейтралитет.

– Да уж, эту партию Испания проиграла окончательно, – добавил Бизоллон, ерзая на стуле. – Королю не хватило мудрости даже на то, чтобы предоставить колонистам концессии и тем самым спасти свое добро. Но его больше волнуют либералы внутри страны, чем колонии…

Гости засмеялись, потому что всем нравилась мысль об опасностях, которые несут королю новые идеи.

После испанских артишоков с мозговой косточкой, «мозгов ткача»[5] и сыра сен-марселлен настал черед восхитительной ромовой бабы с фруктами. Когда слуга убрал посуду, Серафен Буке положил локти на стол и вздохнул:

– Несчастный монарх… Будь я на его месте, я бы сам отправился на эту землю свободы и основал там лучшую в мире империю. Какая великолепная страна! Она представляется мне рогом изобилия. Если верить отчету господина Гумбольдта, там есть все – и в огромных количествах. По его мнению, Мексика занимает первое место в списке колоний короля Испании. Только вообразите, что может дать предпринимателю освобождение настолько богатых провинций! Судя по всему, благодаря упорному труду на земле там производят все, чем торгуют на земном шаре: кофе, сахар, кошениль, какао, хлопок, пшеницу, пеньку, лен, шелк, масла и вина. Металлы залегают там прямо у поверхности земли. Какое поле для выгодных вложений! Какие дела ждут там всех, кто не боится работы и силен духом! Будем надеяться, друзья, что и наши товары доберутся до этого эльдорадо.

Постепенно споры утихли. Гости выпили кофе, после чего Буке пригласил всех перейти в курительную. Удобно устроившись в креслах, сотрапезники с порозовевшими лицами угощались мутноватой сливовой настойкой и превосходным арманьяком. Разговор приобрел шутливый характер.

– Злые языки болтают, что наш Гаспарен выдает супруге на домашние расходы двести франков. Пятнадцатого числа каждого месяца, – насмешливо произнес Фирмен Брошье. – А если деньги у нее заканчиваются раньше, она должна заплатить штраф в размере тридцати процентов и в наказание получает только сто девяносто восемь франков!

– Я приглашал его на ужин, но он отказался, – подхватил Серафен Буке. – Полагаю, господа, что мы тоже должны наложить на него штраф в виде дюжины бутылок бургундского. Бедный господин Гаспарен, придется ему залезть в свои сбережения…

Все засмеялись, но было ясно, что скупость отсутствующего гостя воспринимается остальными скорее как добродетель, чем как недостаток.

– Как бы там ни было, – с зевком сказал один из братьев Форнашонов, – ваши ужины не перестают нас изумлять. Может, вы наконец откроете нам секрет, где вы раздобыли вашу кухарку? Это просто сокровище, счастливый вы человек.

– О нет, дорогой, этого секрета я не открою вам никогда.

Если гости перешли к изъявлению благодарности за вкусную еду, в Лионе это означало, что настала пора прощаться. Серафен Буке проводил своих друзей – все они были людьми воспитанными.

[5] Традиционное блюдо лионской кухни на основе творога с добавлением лука, зелени, оливкового масла и уксуса.

На следующее утро Пьер проснулся рано. Его разбудил не стук колес по мостовой, а собственные мысли. Спал он плохо. Во-первых, он раздумывал о предложении Буке, а во-вторых, о том, что услышал о Новой Испании. Серафена он застал за завтраком вместе с дочерью. После обмена приличествующими случаю любезностями и непринужденной болтовни, прерываемой смехом Жюли, Пьер попросил у хозяина дать ему почитать книгу Гумбольдта. Юноша напрочь забыл о том, что должен готовиться к обходу деревень, и даже не заглянул в лавку Буке за товаром. Закутавшись в плащ и прижимая к груди томик известного путешественника, он по первому же мосту пересек Сону и пошел гулять по кварталу Сен-Жорж. В паре шагов от собора Святого Иоанна, на улице Бомбард, он заглянул в харчевню, хозяин которой предложил ему суп на вине, и Пьер, обхватив руками голову, погрузился в чтение «Политического очерка о королевстве Новая Испания». На протяжении двух следующих часов он не слышал ни шума многолюдной улицы, ни криков торговок, ни скрипа тележки угольщика, чей склад располагался рядом с харчевней. Он не ощущал ни запаха, поднимавшегося с посыпанного опилками пола, ни аромата лукового супа, доносившегося с кухни, – он читал. Раскаленная добела печка покрыла его щеки румянцем, виски у него пылали, но Пьер не замечал ничего – мыслями он перенесся в землю обетованную, в земной рай. Он повторял про себя слова с незнакомым звучанием – льяносы, агава, Халиско, Сакатекас, Туспам, Веракрус, – и они поражали его воображение.

Когда он оторвался от книги, в зале «Форезского плута» уже было полно народу. Толпа ремесленников и пассажиров дилижанса, собиравшихся во Вьенну, оттеснила его от печки в самый дальний угол, а он даже не заметил и не почувствовал, как под одежду проник холод. Когда он протягивал монету кабатчику – тщедушному малому, с лицом в пятнах засохшего вина, – несколько конюхов не спускали с него глаз. В городских кварталах не любят тех, кто читает, а этот парень занимал скамью слишком долго – часовая стрелка успела семь раз совершить свой круг по циферблату. На улице капал мелкий дождик, но Арно не обращал на него внимания и бодро шагал набережной Соны, мощенной круглыми, тесно пригнанными один к другому камнями.

– Молодой человек, наконец-то! – воскликнул Серафен Буке. – Я дважды посылал за вами помощника, но вас не было дома… Кстати, Пьер, что с вами? Вы выглядите немного странно. Что случилось?

– Я прочитал книгу господина Гумбольдта. Признаюсь, она меня покорила.

– Я не сомневался, что она вам понравится. Эх, если бы не мои годы… Наша Франция слишком мала, у нас слишком много препятствий для ведения дел – результат неправильной политики и корпоративных уставов, которые мешают торговле. Там все по-другому. Там людям только предстоит все подстроить, создать с нуля. Но даже под властью Мадрида наши товары пользовались бы там большим успехом.

– Сударь, – прервал его Пьер, – я хочу туда поехать.

Застигнутый врасплох, Буке молча смотрел на него, заложив руки за спину.

– Дорогой мой мальчик, – произнес он после паузы, – я вас понимаю. Но вы должны хорошенько подумать…

Он не стал продолжать. К чему? Пьер совершенно преобразился, глаза у него горели. Буке не ошибся.

– Так я и знал! – с пылом сказал он. – Мексика создана для вас. У вас умелые руки и доброе сердце. Вас ждут великие дела. Но поверьте мне, Пьер, в этой девственной стране вам надо в первую очередь заняться торговлей. Ткани, Пьер, ткани…

Фабрикант шелка знал свое ремесло. Лионская торговля через Бордо росла вот уже два десятка лет, на пике могущества испанской короны. Конкистадоры со своими запретами ничего не могли противопоставить разнообразию поставляемых товаров. Ткани из Севенн, Пьемонта, Месиниакоса, из Леванта и Сирии приходили в Веракрус в неменьших количествах,

чем пряжа из Бенгалии, Кашмира, Кантона или Японии. Могущественное духовенство Новой Испании и дом вице-короля с его придворными охотно покупали шелк-сырец и камчатый шелк, плюш, атлас, креп и ленты, произведенные на берегах Роны и Соны. На всей территории от Мехико до Гвадалахары лионские платки, лучшие во всей Европе, ценились на вес золота. Ни за что на свете епископат не отказался бы от такого богатства, позволяющего священникам появляться на мессе во всем своем великолепии.

Пьер Арно провел в Лионе всего несколько дней. Его покровитель сводил его на улицу Ба-д'Аржан, где портной, чьими услугами пользовались все друзья Буке, дал ему примерить костюм, сшитый в парижском квартале Тампль. Этот модный наряд от парижского портного Стоба Буке преподнес ему в подарок. На Пьере он сидел как влитой. Превосходного кроя брюки светло-серого, мышиного цвета, широкие в бедрах и узкие в щиколотках, заканчивались небольшим клинышком, из-за которого нога казалась меньше. Из-под атласного жилета, расшитого шелковым орнаментом, выглядывало кружевное жабо с застежкой в виде сердечка, спускаясь до низа белой муслиновой сорочки. Редингот чуть более темного серого цвета подчеркивал талию и доходил до середины бедер. Шейный платок из переливчатого турецкого шелка зрительно делал фигуру юноши еще стройнее. Рукава, широкие у плеч, сужались к запястьям, добавляя изящества рукам. Великолепные полусапожки с отворотами заменили его подбитые гвоздями башмаки.

Гавот распрощался с прежней жизнью. Теперь его можно было принять за родного сына Буке. Помимо подаренного костюма, Пьер решил за собственный счет приобрести редингот поскромнее – из черного сукна, а также шелковый жилет табачного цвета, несколько сорочек и суконный фрак.

На следующий день, в последний раз отобедав у братьев Форнашонов на острове Барб, он в коляске вернулся в гостиницу Эне. Серафен Буке снабдил его рекомендательным письмом к своему бордоскому посреднику Франсуа Дельма с просьбой предоставить юноше кров и достать ему место на бриге, направляющемся в Веракрус. Вечером, сидя у себя в комнате, Пьер при свете свечи набросал несколько строк:

Дорогая матушка!

Я расстаюсь с вами надолго. Мне не хватило ни сил, ни смелости, чтобы приехать домой и в последний раз обнять вас. Завтра в четыре часа утра я буду на пути в Бордо. Из порта этого города я выйду в море и, вдали от вашей доброты, отдамся на волю волн. Надежда на будущее благополучие, боль от разлуки с теми, кто сделал для меня так много, ожидание долгого путешествия по морю, которого никогда прежде я не видел, рождают во мне мучительные мысли. Земляки расценят мой отъезд как бегство. Не слушайте их, матушка. Остаться здесь было бы крайним проявлением трусости. Несчастья, которые обрушились на нашу семью прошлой зимой, вынуждают меня сделать попытку испытать судьбу. Если все, что я задумал, осуществится, если мне удастся добиться достойного существования, я сделаю все, что в моих силах, чтобы доказать вам мою любовь, и буду счастлив. Наш друг Буке будет каждые шесть месяцев посылать вам небольшую сумму в счет моего кредита. Молитесь за него, матушка, он наш благодетель.

Если провидению будет угодно, чтобы я не пережил этого долгого путешествия, знайте, что, прежде чем я испущу последний вздох, с моих уст сорвутся ваши, любимые мной имена.

В эту трудную минуту, когда я должен встретить столько опасностей, присоедините, дорогая матушка, свои молитвы к моим. Те уроки мудрости и добродетели, которые вы преподали мне в детстве, навсегда

запечатлены в моем сердце. Обнимите ваших дорогих детей, мою сестру и моего брата. Я до конца своих дней буду верен вашим заветам и постараюсь быть достойным вашей любви.
Пьер АРНО, Лион, 10 ноября 1821 года

5

Продавец игрушек достал из жилетного кармана часы-луковицу.

– Бордо, без сомнения, самый красивый город во Франции. К одиннадцати будем на площади Кенконс.

Гавот вдруг почувствовал, как ноги у него наливаются свинцом. Закутанный в толстый суконный плащ, он зевнул и прижался носом к окну. Если отвлечься от обилия черного и зеленого цвета, окрестности Бордо напоминали море перед бурей. Холмистая местность горбилась виноградниками, похожими на округлые волны. Изредка то тут, то там встречались хилые сосновые рощицы. Стоило закрыть глаза, и путешественнику казалось, что его качает на морской глади.

Помимо продавца игрушек из Ганжа, вместе с Пьером вот уже семь дней ехали три монахини-францисканки, супружеская пара рантье из Тулузы и ремесленник-бочар из Сен-Поль-Труа-Шато, направлявшийся за заказом в Медок.

На подступах к Гаронне, пока не потянулись сосновые леса, купы дубов и густые кустарники, занимавшие все пространство этого безлюдного края, Пьер все еще дремал.

Впервые увидев окраину Бордо, на которой улицы плавно спускались к реке, Пьер Арно испытал острую тоску по Лиону. Улица Шапо-Руж нисколько его не впечатлила, как и площадь Турни, и квартал Кенконс, засыпанный листвой, в отличие от лионского холма Фурвьер, который порос платанами и каштанами. Но все же он отметил белизну невысоких каменных домов под ясным небом и непривычно широкие улицы – все это было совсем не похоже на узкие проулки и вечно покрытые влагой строения на улицах квартала Терро: результат сырого дыхания протекающей рядом Роны. Зато его по-настоящему поразил квартал Шартрон, раскинувшийся на берегу реки, и изобилие парусов, канатов и такелажа. Крупным таможенным баркасам, чтобы переправиться с одного берега на другой, приходилось лавировать между просмоленными лодками. Здесь были и английские бриги с фок-мачтами, грот-мачтами и красивыми, как на бригантинах, матерчатыми парусами, и тяжелые галиоты, доверху груженные сундуками и ящиками. Целый лес парусов, туго натянутых или морщинистых, вяло свисающих, охряных, белых, даже красных или оранжевых… Посреди этих гигантов швартовался испанский галеон. По случаю воскресенья на судах подняли все флаги. Пьеру почудилось, что на него пахнуло новым запахом, запахом открытого моря.

– Я ждал вас, сударь. Как доехали?

Его рукопожатие было крепким. Франсуа Дельма, пятидесятилетний мужчина в полном расцвете сил, выглядел импозантно, не в последнюю очередь благодаря своему костюму из английской ткани превосходного качества. Подобная изысканная утонченность не снилась и самому элегантному аристократу из предместья Сен-Жермен.

– Как поживает мой добрый старый друг? Не томите, расскажите скорей, – попросил он, приглашая гостя в свою гостиную – просторную круглую комнату, двумя окнами выходившую на набережную Шартрон.

Профессиональный посредник в торговых делах, Франсуа Дельма сотрудничал с Буке уже многие годы: уроженец Перигора, он сколотил себе состояние в Бордо и давно считал себя патриотом этого города. Таким его и воспринимали окружающие; как и все жирондисты, он был любезен, вежлив и доброжелателен. В молодости его по рекомендации принял на службу известный в Шартроне и могущественный арматор Верне. После двух лет обучения Франсуа благодаря накопленным знаниям и страсти к порядку получил право самостоятельно формировать на одном из хозяйских судов груз парижских товаров – шляп и перчаток, которые производитель поставлял ему в кредит. К двадцати восьми годам он уже стал обладателем шестидесяти тысяч франков. Вместе с еще четырьмя товарищами, не такими богатыми, как он, он

основал собственное предприятие, купил корабль и нанял матросов и капитана. Двадцать два года спустя Франсуа Дельма был вполне состоятельным человеком. Четыре торговых корабля с грузом – мука, рулоны парусины, стопы бумаги, ящики с тканями и бутылки медокских и бордоских вин – бороздили моря, бросали якорь в самых крупных портах Америки и множили его доходы. К своим пятидесяти годам Дельма оставался холостяком, что, впрочем, нисколько его не огорчало; четырежды в неделю он ужинал у Мартины Сала, своей тридцатилетней любовницы, которой подарил дом близ церкви Святого Бруно и шляпную лавку, пользовавшуюся большой популярностью у местных дам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.